

Глава II

Польская редакция рыцарского романа об Отоне и Алунде¹

Краткое содержание романа

Оклеветанную в измене жену римского цесаря Отона, Алунду, заключают в темницу, а потом изгоняют с детьми-близнецами в пустыню. Там одного из них, Флоренца, похищает обезьяна, второго, Леона, – львица. Флоренца отнимает у обезьяны воин, у воина – разбойники, которые продают его в порту французскому купцу Климунту. Тем временем Алунде удается отыскать сына, похищенного львицей, которая становится другом и защитником цесаревы и Леона. Благодаря помощи корабельщиков Алунда прибывает в Святую землю и в Иерусалиме находит убежище в доме некоего римлянина. Климунт учит Флоренца разным ремеслам, но цесарский сын проявляет врожденные способности к рыцарскому делу и когда на французского короля Дагоберта нападают войска

¹ Анализ поэтики романа проводится на основании польского варианта романа. Сохраняется форма имен собственных польского издания. Все цитаты приводятся по экземпляру издания конца XVII в. из Национальной библиотеки им. Оссолинских (Оссолинеум) во Вроцлаве, шифр XVIII-8934-II (далее – *Os.*).

египетского короля Золдана и его союзников, он, вооружившись собранными в доме мнимого отца ржавыми доспехами, спасает честь французов, побеждая в единоборстве Олбримского царя. Влюбившись в дочь Золдана, Марцебиллу, Флоренц увозит ее в Париж. Но во время очередного сражения с Золданом, спасая цесаря Отона, попадает вместе с ним в плен. В то же время повзрослевший Леон помогает акоринскому царю победить турок, напавших на его землю, а потом едет во Францию, ища поддержки Дагоберта в восстановлении доброго имени матери. Попутно он побеждает отступающие от Парижа войска Золдана, берет его в плен и освобождает неузнанных отца и брата – цесаря Отона и Флоренца. На пиру у короля Дагоберта выясняется, что Флоренц тоже является сыном Отона и Алунды. Супруги с Леоном возвращаются в Рим, Флоренц женится на дочери египетского короля Марцебилле, а спустя некоторое время становится королем Англии. Леон берет в жены испанскую королеву Раймунду.

1. Пространство и время

Действие романа относится ко времени царствования во Франции короля Дагоберта (прототипом которого был король Дагоберт, правивший в 622–639 гг., основатель аббатства Сен-Дени²), и римского цесаря Отона Первого (962–973) и претендует на историчность³. Оно начинается в Риме,

2 Ср.: R. L. Goethe, *King Dagobert, the saint, and royal salvation: the shrine of Saint-Denis and propaganda production (850–1319 C. E.)*. *PhDthesis*, University of Iowa 2016. Электронный ресурс: <https://doi.org/10.17077/etd.b8b488ok> (режим доступа: 15.04.2020) и *Деяния Дагоберта, короля франков, [в:] Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники*, пер. с лат., вступ. статья, коммент. Г. А. Шмидта, под ред. А. И. Сидорова, Санкт-Петербург – Москва: Евразия-Клио 2019, с. 96–170.

3 Здесь мы, однако, должны помнить, что то, о чем писали авторы псевдорыцарских романов, нельзя мерить современными мерками, нельзя их также упрекать в нарушении

во дворце цесаря Отона примерно за год до рождения сыновей цесарской четы, а после рождения близнецов переносится из дворца в некоторые другие места столицы (костел св. Петра⁴, куда цесарь и его двор отправляются, чтобы поблагодарить Бога за счастливое разрешение царицы, позже темница, в которую цесарь приказал ввергнуть Алунду с детьми, ближе неопределенное место встречи цесаря с советниками и, наконец, место предполагаемой казни цесаревы на окраине города). Из Рима действие переносится в некие пограничные пустынные места, куда была выслана Алунда с сыновьями, а после несчастного разлучения цесаревы с детьми, на остров, на котором унесенная грифом львица выкармливает ребенка, а потом (уже с новообретенным Алундой сыном) в Иоппию, Иерусалим и оттуда в Париж и, наконец, обратно в Рим. Во Францию (Париж) ведет путь купца Климунта, купившего у разбойников похищенного обезьяной второго сына Алунды – Флоренца. В заключительных главах романа, посвященных взрослым сыновьям Отона и Алунды, местом действия становятся дополнительно Испания и Англия.

Первые главы насыщены фактами из семейной жизни Отона и Алунды. В них рассказывается о нежной любви супругов, которая поначалу омрачалась лишь отсутствием наследников и которая расцвела, когда Алунда забеременела и родила сыновей-близнецов. Но благополучие семьи

исторической правды. А. Я. Гуревич в монографии *Категории средневековой культуры* (Москва 1984, с. 44) писал: «то, о чем повествовали писатели и поэты Средних веков, по большей части принимались и ими самими, и их читателями и слушателями за подлинные происшествия. К эпохе категории выдумки и правды не применимы».

4 Имеется в виду Собор Святого Петра в Риме, один из важнейших храмов католической церкви.

разрушается свекровью Алунды, которая, невзлюбив золовку, утверждала, что невозможно родить близнецов от одного отца, и оклеветала ее перед сыном в прелюбодеянии. Поскольку Отон не поверил словам матери, она в качестве неопровержимого доказательства измены Алунды показала сыну нагого юношу, которого сама обманом заставила лечь на постели спящей царицы, и потребовала, чтобы он немедленно наказал изменников. Однако цесарь, хотя и поражен «очевидным» доводом прелюбодейства, медлит с решением, мотивируя свою «косность» нежеланием нарушить закон, согласно которому «не подобает цесарю осуждать обвиняемого, не выслушав его, и тем более спящего убивать» («cesarzowi nie przystoi niewysłuchanego sądzić, a daleko więcej śpiącego zabić»). Но когда Алунда, услышав разговоры, просыпается и с горьким плачем пытается оправдать себя перед супругом, цесарь, задетый за живое, говорит: «Ach pani, ten twój płacz tu tobie nic nie pomoże, ponieważżem **oczyma swoimi dojrzał.**» [О, жена! Этот твой плач здесь тебе ничем не поможет, поскольку я все **увидел своими глазами.**]. Затем правитель призывает рыцарей, чтобы Алунду вместе с детьми заключили в темницу. Потом же, не сдержав нарастающего гнева, все-таки убивает мнимого соперника. Рассказчик комментирует его поступок как опрометчивый («Co cesarz **nieroztropnie z wielkiego gniewu uczynił**»).

На следующий день цесарь созывает своих советников, приказывает выставить на всеобщее обозрение тело убитого слуги и спрашивает, достойна ли изменница высшей меры наказания. Не дождавшись поддержки от своих советников, которые вопреки всему не верили клевете, и все еще помня о прежней любви (здесь еще раз повествователь показывает разлад между аргументами

сердца и видимыми доводами измены), Отон замечает приговор, по которому должны сжечь жену на костре вместе с детьми, изгнанием их в пустынные места. С этого момента повествователь будет показывать Алунду, следуя за ее передвижением в пространстве, а Отон появится снова только во второй части романа, когда его сыновья уже достигнут зрелого возраста.

С главы *Jako Zoldan, król egipski, z wielką mocą do ziemie Francyjej bojować ciągnął a z jakimi rotocami* [Как Золдан, король египетский, с большими силами шел во Французскую землю на войну и с какими союзниками] в роман вводится тема войны и семейный конфликт начинает переплетаться с политическим: в начале главы рассказчик упоминает о прежних войнах за Иерусалим (здесь слышен отголосок крестовых походов и роли в них французских королей-рыцарей), вводит образ египетского Золдана⁵, который, желая отомстить французскому королю бывшее бесчестье, собирает в Египет своих союзников из разных стран:

[...] na rozkazanie jego stawił się król arabski, król perski, król olbrzyski, król z Etołijej⁶, też i brat Zoldanów z Asyryjej, imieniem Almirał, król z Morachu⁷, i inych królów i książąt barzo wiele, którzy z sobą wiele ludu przyprowadzili jeznego i pieszego. (Os., D_{3r})

[...] książęta i rycerstwo do okrętów szli [...]. Zoldan z córą swą jachał i z trzydzieścią królów, którzy mu na pomoc przyjechali. (Os., D_{4v})

[по его повелению явились: арабский король, персидский король, исполинский король, король из Этолии,

5 По всей вероятности, его прототипом был упоминаемый в *Золотой легенде* Якова Ворагинского живший в X в. султан африканских сарацин по имени Золдан (Soldan).

6 Этолия, одна из областей древней Греции.

7 Имеется в виду Марокко. Искажение, перешедшее в польский текст из немецкого.

а также брат Золдана из Асирии, по имени Алмирал, король из Мораха и иных королей и князей великое множество, которые привели с собой много езды и пехоты. [...] князья и рыцари к кораблям шли, ехал Золдан со своей дочерью и с тридцатью королями, которые приехали к нему на помощь.]

Далее сообщается, что войска Золдана передвигаются по морю во Францию, а на подступах к ней останавливаются в Венеции, которую за полмесяца разоряют и пустошат:

[...] w kilka dni do Wenecyjej przyjechali. Tam, kotfice zarzuciwszy, wysiedli. Których gościna Wenecyją i ziemię okoliczną tak spustoszyła **za pół miesiąca**, iż prawie wszyscy obywaciele z niej poginęli. (Os., D_{4v})
[...] спустя несколько дней приехали в Венецию. Там, бросив якори, вышли <на берег>. Их пребывание так опустошило Венецию и близлежащие земли за полмесяца, что почти все жители ее погибли.]

Узнав от беглецов о судьбе соседней Венеции, французский король Дагоберт собирает христианские войска, из Рима на помощь королю приезжает также цесарь Отон.

Поначалу пространство разъединено на две независимые друг от друга части (мир христианский – мир языческий), по мере развития событий оба мира начинают взаимодействовать. Рассказчик сообщает, как передвигаются союзные войска Золдана: персидские по пути к Парижу опустошают Ломбардию, турецкие – Кампанию, наконец, все приближаются к стольному граду Парижу, которого, однако, им не удастся взять штурмом. Единственным представителем завоевателей, которому удалось войти в город под видом посла, был любимый карла дочери Золдана, королевны Марцебиллы. Поражение войск Золдана и религиозная конверсия Марцебиллы, а потом его самого и сопутствующих им слуг и служанок означает полное

исчезновение мусульман с поля зрения повествователя. Те, которые остались на французской земле, крестились и слились с христианами, о судьбе остальных в романе не говорится, читатель может догадываться, что они вернулись (бежали) за море, откуда пришли.

С сюжетной линией Алунды связано появление в романе особого пространства: пустынных лесов, полных диких зверей и разбойников.

iż ją mieli na puszczy granicznej zostawić. Która pustynia a las wielki tak niebezpieczny był, nie tylko z strony okrutnego zwierza, ale też z strony gęstego zbójstwa. (Os., B_{2r})
[что должны ее в пограничной пустыне оставить. Та пустыня и лес великий столь опасны были не только из-за страшных зверей, но также из-за множества разбойников].

Но Алунда неожиданно находит там место для отдыха (своего рода *locus amoenus*), позволившее ей на время почувствовать себя безопасной, что, парадоксально, вскоре превращается в свою противоположность – *locus horridus*.

jechała [...] drogą nie bardzo tartą, która ją przywiodła ku skale bardzo wysokiej, pod którą skałą pięknej wody źródło było, nie inaczej jakoby kryształ. Nad źródłem stało drzewo wonne, która wonia balsamowej podobnej (!) była. Tam nocleg sobie ulubwszy, konia odchełznała, aby się w onych pięknych ziołach pasł, w które też i dziatki swoje położyła między pięknymi kwiatkami, co się około onego źródła kochały. Potym sama przy dziatkach usiadła, strawy, którą z sobą miała, trochę pojadszy, z onego się źródła napiła, a pocałowawszy dziatki swoje, wedle nich uległa [...] już **jakoby na pokoju** [...] zasnęła wedle śpiących dziątek swoich. (Os., B_{2r}–B_{2v})

[ехала [...] путем нехоженным, который привел ее к очень высокой скале (горе), под которой был источник прекрасной, словно кристалл, воды. Над источником росло благовонное дерево, запах которого напоминал благоухание бальзама. Там, ночлег себе облюбовав, коня

разнуздала, чтобы в этих прекрасных травах пасся, там же и деток своих положила среди прекрасных цветов, которые этот источник возлюбили. Потом, сев рядом с детками, еды, которую с собой имела, немного съев, напилась из одного источника и, поцеловав деток своих, рядом с ними легла [...] И Мирно уж [...] уснула рядом со спящими детками своими.]

Рассказчик, который уже раньше предупреждал читателей, что пустыня и густой лес не были безопасным местом («Która pustynia a las wielki tak niebezpieczny był»), теперь с явным сочувствием к своей героине, не подозревающей пока ничего страшного, скажет:

Ale nieszczęście, niedaleko odchodząc, ku niej się zasię wróciło i zdarzyło jej miejsce bardzo niebezpieczne, które prawie wszystkim leśnym obywatelom napospolitsze było, bo tam dla napoju zewsząd k temu źródłu zwierz i zbójce chodzili. (Os., B_{2v})

[но несчастье, отойдя недалеко, снова к ней вернулось, и место это очень опасное для нее сделалось, поскольку к этому источнику отовсюду звери и разбойники ходили напиться воды.]

Перемещение в пространстве, как правило, сигнализируется рассказчиком в конце главы:

O czym tak już poprzestawszy, wrócim się z rzeczą do brata jego, który był przy matce został niż się ocknęła, a jako od lwice wzięty, tak iż obu dwu matka straciła je, śpiąc. (Os., B_{6r})

[Об этом рассказ оставя, вернемся к повествованию о его брате, который оставался около спящей матери прежде чем она пробудилась, и как был похищен львицей, таким образом мать, заснув, потеряла обоих]

Którą tu zostawmy z jej lwicą i dzieciątkiem, do drugiego się wrócimy i oglądamy, jako go Klimunt i małżonka jego chowa. (Os., C_{iv})

[Ту с ее львицей и дитятей здесь оставим, ко второму обратимся и посмотрим, как его Климунт и жена его воспитывает.]